

Не только холод захватил мое тело, но и чрезвычайно маниакальные эмоции, которые были полностью вызваны из моего сердца.

Эти люди... чертовы, действительно чертовы.

Где бы они ни были, Шанхай, Цзянсу, штаб-квартира, земля зла, Юаньчжоу - все это природа.

Небеса - это зло, все люди страдают, люди как муравьи, они не выдерживают дразнящих людей на высоких постах.

Но я не знаю, как, очевидно, так яростно, но я все равно спокойно стоял на своем. Я чувствовала, как скучный черный дракон движется по мне, и я чувствовала, как ярость подавляется странной силой. Несмотря на то, что сейчас он был немного ошеломляющим, потому что черный дракон был поглощен невооруженным глазом, он все еще едва ли был ничейным.

"Цзян Чэн"! Раз уж ты вышел, ты готов умереть!"

Человек, который проклинал меня, кричал в это время, он вытащил свое длинное копье из-за спины и бросился ко мне с большой скоростью. Когда он ещё был в пяти метрах от меня, он вдруг прыгнул вперед и проткнул копьем прямо мне в горло!

"С моим божьим воинским умением в седьмом классе, где я не могу убрать твоего новичка!"

Он рычал, но прежде чем я успел отреагировать, милосердие в моей руке внезапно вырвалось наружу в быстрой последовательности и сильно обрушилось на его копье.

Если ты хочешь драться, я буду драться.

"Бах!"

Там была только трещина, и крепкое копье было порезано Милосердием, рухнуло в неистовые искры, и это копье было резко срублено мной, сильно ударившись о землю!

"Бах!"

Был еще один громкий удар, и копье было прижато к земле. Лицо человека резко изменилось, он сразу же бросил копье, вытащил кинжал из кармана брюк, и, как он не успел прицелиться, он ударил меня ножом в плечо.

Кинжал, который был очень быстро, пронзил мое левое плечо, заставляя меня мяться от боли, в то время как я выдержал движение и схватил его за горло левой рукой.

Он смотрел на меня нескромно, звук, исходивший из его рта, был очень хриплым: "Ты... почему бы тебе не уклониться..."

"Почему ты прячешься?"

Я посмотрел ему в глаза, сначала шептал, а затем медленно поворачивался к рычанию: "Я никогда не хотел жить, чтобы иметь возможность обменять плечо на голову, я, он. Почему мама прячется!"

Как только слова вышли из моего рта, я нарисовал Милосердие и отрубил человеку голову!

Его голова упала на землю, его безголовый труп прихрамывает. Я наступил на его труп и посмотрел на почти сотню испуганных заключенных в камере смертников, уже исполненных страха, но с намеком на жадность в их глазах.

Те, кто убьет Цзян Чэна, будут жить.

Я чихнул и помахал этим людям: "Давай, ты не убьешь меня? Неважно, осужденный преступник ты или Бог войны 7-го уровня, вы все одинаковые. Если ты отрубишь себе голову, даже даосский священник не сможет выжить. Ты убьешь меня. Ты не убьешь меня? Да ладно! Давай!"

Заключенные в камере смертников подсознательно отступили на шаг назад, я поднял голову человека и медленно шел вперед: "Ты думаешь, что тебя ждет Борьба за то, чтобы остаться в живых, нет, это не так. Это правда, что, убив меня, один из вас будет продолжать жить, но в действительности, вы были уже мертвы, когда вы приняли этот приказ. Ты когда-нибудь думал... ты когда-нибудь думал, что проживешь так долго, даже перед лицом своей прошлой жизни и смерти, словно Собаки смерти, позволяя другим устанавливать правила и играть со своей жизнью! Нет, только не собака! Даже если это собака! Перед лицом смерти все лают несколько раз и плачут и рычат несколько раз, где ты сравниваешь с собакой!"

Услышав мои слова, они выглядели смущенными. Некоторые из них оглядывались вокруг в замешательстве, но не знали, что делать.

"Цзян Чэн, не смей пытаться сенсационизировать ситуацию!"

Женщина из преждевременного внезапно завопила, она направила на меня длинный меч, ее лицо было наполнено гневом. Я посмотрел на ее разъяренное лицо, бросил голову в руку в сторону и безразлично сказал: "Неповиновение? Потом ты придешь и убьешь меня."

Она подсознательно сделала шаг назад, смерть злого обаяния, и человек наполнил ее сердце страхом, как воин седьмого уровня, она стиснула зубы". Разве ты не полагаешься только на демонический нож, я вижу, что это не ты силен, и не твой деревянный нож, это явно твое странное лезвие. Если ты оставишь этот нож, боюсь, ты будешь неудачником".

Я шел навстречу ста людям, но в сердце не было страха: "Ну и что? Ты все еще не осмеливаешься драться со мной, неудачник?"

Видя, что я все еще двигаюсь вперед, обе женщины отступили в страхе. Они были последним средством из почти 100 приговоренных к смертной казни, и, видя, как они оба отступают, приговоренные к смертной казни какое-то время не знали, что делать.

Женщина разозлилась, и она вытолкнула одного из осужденных узников, гневно проклиная: "Залезай! Так много людей боятся, что не смогут его победить?"

Заключенные смертного ряда снова набрались смелости под звуки этого, и даже взяли на себя смелость двигаться ко мне, пока я рычал: "Давай! Кучка слабаков, которые хуже собак! Вы, люди, даже если вы живы в конце, даже если вы боретесь за свою жизнь сейчас, ваши души полностью в руках других. Как ходячий труп, стоящий передо мной, сотня из вас лишила меня этой единственной жизни. Ты, как мусор, склоняешься перед этим правилом, твои позвоночники полностью согнуты, а души полностью уничтожены. Они сломали позвоночник, который ты называешь жизнью, и ты сломал свои души".

Они все запаниковали, и один осужденный заключенный не мог не вытереть глаза и даже

воскликнуть: "Мы не хотели рисковать, но ты нас заставил". Что делать? У них есть оружие! У них целая куча сильных людей! Это правда, что только тот, кто убил тебя, выживет, но даже если шансы один процент, мы хотим бороться за это, и все хотят выжить... снова. Кто бы захотел, в конце своей жизни, быть таким смиренным".

В этот момент он рыдал и слабо стоял на коленях на полу.

Я рычал низко: "Потому что вы, вы слишком высоко думаете о себе". Выбрасывая свой статус, все жизни одинаковы. Вы, ребята, убиваете меня, потому что есть один процентный шанс выжить. Но... я - единственный процент, который сохранит тебе жизнь, а они - девяносто девять процентов, которые убьют тебя. Самое худшее не в том, чтобы бороться с убийцей, а в том, чтобы убийца относился к твоей жизни как к игрушке".

Они тупо смотрели на меня, некоторые из них уже смотрели на двух женщин и персонал со злым умыслом в их глазах. Женщина, которая раньше громче всех кричала, была бледной, она защищалась своим длинным мечом и в ужасе говорила: "Что ты делаешь! Все вы, отойдите! Вы верите, что юаньцы убьют вас всех? Не валяй дурака, это нежное место!"

Один заключенный в камере смертников сорвался: "Трава, боюсь тебя! Большинство из нас здесь все равно умрет, так что мы могли бы убить тебя первыми!"

Я прошептал: "Когда люди рождаются в этом мире, они эгоцентричны. С того дня, как мы поняли, мы думаем, что мы другие. Мы все думаем, что мы уникальны, но в конце концов мы понимаем, что мы всего лишь жареная картошка в море. Мы плаваем вокруг, но у нас есть только семь секунд, чтобы вспомнить, забывая о боли снова и снова, доказывая наше увлечение глупыми поступками, и ожидая, когда нас уничтожат! В тот момент, когда стало ясно, что он, как и все остальные такого рода, больше не может жить без воды и воздуха. Но ах... но ах... но ах!"

Я вонзил милость в землю, солнце сияло на моем лице, и я посмотрел на группу осужденных заключенных со сложными выражениями и пробормотал: "Рыба умирает". В море - ничего. Кучка рыб умирает в море, которое разрушает не только себя. Что скажут люди, когда эта бессмысленная битва закончится? Тыкаешь на свои трупы и называешь их кучкой идиотов? Нет, не запомнится. Никто не вспомнит твои имена, никто не вспомнит, кто ты, но люди и Гатомон вспомнят с нежностью, что однажды... Есть группа людей, которых даже не нужно помнить по имени, крепко скребущих ножом по их лицемерным лицам! Это оставляет чрезвычайно уродливый шрам!"

"Следуйте за мной..."

Я держал Милосердие в своей смертельной хватке, в жилах на шее и лбу обнажил, и издал рев: "Бог говорит, что такова власть, поэтому я иду против неба и переворачиваю мир! Скажи мне! Эти люди, которые используют ваши жизни как зрителей игры, убить или быть убитыми!"

В конце концов, они сжали кулаки и рычали в унисон: "Убить!"

Я схватил свою бывшую голову и бросил ее к двери на убойный фестиваль, сцена, которая напугала наблюдателей в хижине, в то время как я Подбежав к выходу, он заревел: "Я тебя, блядь, не слышу, скажи мне, ты, блядь... убей! Нет! Убей!"

Люди, казалось, сошли с ума и кричали со всей силы: "Убей! Убей! Убей!"

<http://tl.rulate.ru/book/41095/913611>